

И. В. АРБУЗОВА, Е. К. ПИОТРОВСКАЯ

ПИСЬМА Н. П. КОНДАКОВА (1874—1909 гг.) К В. ЯГИЧУ,
ХРАНЯЩИЕСЯ В АРХИВЕ В. ЯГИЧА
В ЗАГРЕБСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ*

Как известно, после смерти В. Ягича (1923 г.) его архив был передан наследниками в библиотеку Университета в Загребе. Долгое время материалы архива оставались вне поля зрения исследователей историко-филологической науки. Начиная со второй половины 40-х годов в различных изданиях Южнославянской Академии наук в Загребе начинают появляться публикации по материалам архива В. Ягича. Значительную часть архива В. Ягича, имеющую большое значение для истории европейской науки и культуры, составляет эпистолярное наследие ученого. Оно насчитывает письма нескольких тысяч ученых разных стран, относящиеся к периоду с начала 60-х годов XIX в. и до кончины ученого в августе 1923 г. Переписка выдающихся ученых-славистов XIX—XX вв. с В. Ягичем может рассматриваться и в рамках отдельных специальных тем, исследований и публикаций. В частности, отношения В. Ягича с польскими, чешскими, хорватскими, болгарскими, немецкими учеными изучены полнее и нашли отражение в монографиях и публикациях Й. Хамма, М. Мурко, П. Скока, П. Орешкова, Г. Резеля, Г. Порта и др. Связи же и взаимоотношения В. Ягича с русскими учеными освещены в истории европейской культуры слабее. Издана лишь переписка В. Ягича с русскими учеными середины 60—80-х годов XIX в.,¹ частично введены в оборот материалы переписки ученого, начиная с 1873 г.² Издана незначительная часть переписки В. Ягича

* В основу статьи положен текст доклада на указанную тему, прочитанный в Русском музее в ноябре 1994 г. на конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Н. П. Кондакова.

¹ Письма И. В. Ягича к русским ученым 1865—1886. М.; Л., 1963. См. также: Лысенко Т. И. Эпистолярное наследие академика И. В. Ягича в архивах СССР // За рубежом: славяне и русская культура. Л., 1978. С. 200—222.

² Документы к истории славяноведения в России (1850—1912) / Под ред. акад. Б. Д. Грекова. М.; Л., 1948.

с А. А. Шахматовым в 80—90-е годы XIX в.³ А между тем без полного изучения эпистолярного наследия В. Ягича и его корреспондентов трудно представить картину историко-филологической науки XIX—начала XX в. во всех ее многообразных аспектах: академическом, университетском, культурно-просветительском, издательском, археографическом, археологическом, искусствоведческом и др.

Вот почему для истории искусствознания в России письма Н. П. Кондакова к В. Ягичу могут представить несомненный интерес.

В настоящей статье используются переписанные рукой И. В. Арбузовой, преподавателя кафедры славяноведения Петербургского университета, письма Н. П. Кондакова к В. Ягичу за 1873—1909 гг. (Письма были скопированы И. В. Арбузовой во время командировки в Загреб в 60-е годы XX в. Пунктуация и правописание при передаче текста — современные. Ссылки на листы отсутствуют, фрагменты текста приведены лишь со ссылками на даты, которые, как правило, указаны в письмах.)

Общее число писем 35 плюс текст газетной вырезки из «Современных известий» 1881 г., № 311. Письма Н. П. Кондакова написаны из Одессы, Ялты, Алушты, Петербурга. Это и письма молодого, озаренного множеством идей и планов ученого, испытывающего к В. Ягичу самые добрые чувства, советующегося с ним по любому научному поводу, ищущему у знаменитого ученого поддержки, оправдывающей все внутренние сомнения Н. П. Кондакова. И в то же время это и письма зрелого Н. П. Кондакова, посетившего Св. Землю, Афон, Балканы, Синай, многие европейские музеи и библиотеки (Вену, Венецию, Константинополь, Рим, Париж, Берлин), сокровищницы византийского и славянского искусства, нашедшего подтверждение своим взглядам на истоки христианского искусства, значение рукописной традиции в истории человеческой культуры, развитие иконописных образов и изменение их украшений и обрамления, роль сканьных образов в истории искусств и др.

Все сохранившиеся письма Н. П. Кондакова к В. Ягичу чрезвычайно информационно насыщены. Помимо проблем, связанных с историей восточнохристианского, византийского и славянского искусств, в них содержится много сведений и подробностей о жизни Новороссийского университета, его профессорско-преподавательской среде, научных дискуссиях, связях Университета с московскими коллегами, академической жизни столицы Петербурга и пр.

Так, несколько писем 1874 г. (от 15 сентября, 17 сентября, 29 сентября, 30 сентября, 28 декабря), 30 августа 1875 (?) г. посвящены вопросам, связанным с уходом В. Ягича из Новороссийского университета, и попыткам широко мыслящих и дальновидных уче-

³ Переписка А. А. Шахматова с академиком И. В. Ягичем (1881—1894) / Публикация С. А. Шахматовой-Коплин и В. Р. Левиной-Свириной // Шахматов А. А. М.; Л., 1947.

ных, среди которых можно назвать Н. П. Кондакова, А. А. Кочубинского, вернуть В. Ягича в университет. (Как известно, сложные, деликатные вопросы взаимоотношений В. Ягича и В. И. Григоровича, тянувшего со своей отставкой, не позволили решить вопрос положительно.)⁴ Письма Н. П. Кондакова полны высоких и добрых слов в адрес учеными и деятельности В. Ягича в изучении славянских культур не только со стороны самого Н. П., но и его коллег: «...Мне очень понравилось то, что Вас желают либералы наши, как напр[имер] Мечников и Сеченов: оба они положительно желают университету пользы, хотя и заблуждаются иногда...» (15 сентября 1874 г.); «...Вам известно, как много ценил я Ваше товарищество в Одессе и как сильно сожалел я о Вашем отъезде. Мы утратили в Вас не только профессора и ученого, но образец и пример, к сожалению бывший всегда крайне редким, неустанного научного трудолюбия...» (30 августа 1876 г.).

Н. П. Кондаков так дорожил дружбой и мнением В. Ягича, что в письмах встречаются слова: «Прошу об одном: пишите» (7/19 марта без года), «В ожидании Вашего ответа остаюсь Н. Кондаков» (12/24 ноября 1892 г.). А после поездок по Востоку, в предверии предполагаемой поездки по Сербии вместе с В. Ягичем и Л. В. Стояновичем, в письме от 20 марта 1901 г. подписывается: «Ваш всегдашний друг и товарищ Н. Кондаков».

В переписке Н. П. Кондакова с В. Ягичем можно выделить несколько тем, заслуживающих быть отмеченными специально.

1. Подготовка к работе над исследованием и диссертацией о византийских миниатюрах. Так, в письме от 9 марта 1875 г., сообщая о планах предполагаемой поездки в Европу, Н. П. Кондаков пишет: «Я намерен заняться теперь византийскими миниатюрами. Не можете ли Вы мне рекомендовать какое-либо пособие по части палеографии, в которой я круглый невежда. Григорович рекомендует мне Монфокона, Павлов — Виттенбиха, кто еще Франца, ... и пр. Что будет лучше и удобнее для меня? Иначе сказать, с чего начать? Я кончаю одну большую статью, которую и напечатал в Московском археологическом вестнике. Напротив того, с моей диссертацией непредвиденный скандал. Французский археолог А. Дюмон (очень много писал — sic!) в скором времени издает большое исследование со многими рисунками и пр.! Так, по крайней мере оповещено в одной статье его приятеля. Что делать? Бросить тему и взять другую? Ибо соперничество мне с Дюмоном не по силам, да и я принужден буду спокойно заниматься тем, что он изучил после долгих лет своего пребывания в Греции. А если напечатать, то еще будут говорить, что я все украл у Дюмона. Я думаю напечатать резюме сочинения где-либо в иностранном журнале, но не имею пока знакомств».

Нам неизвестно (во всяком случае — пока неизвестно), как рассеял сомнения Н. П. Кондакова В. Ягич. В дошедшем же

⁴ *Арбузов И. В.* В. Ягич в Одессе (В. Ягич и В. И. Григорович) // *Славянская филология: Сборник статей*. Л., 1964. С. 52–60.

письме Н. П. Кондакова от 30 августа 1876 г. лишь скупые замечания: «...Моя диссертация о византийских миниатюрах; рисунки (до 48 таблиц) или издам на свой счет, или Московского археологического общества».⁵

2. Тема, связанная с путешествием на Синай в 1881 г. и судьбой издания «Синайского альбома». Здесь можно отметить в дошедшей переписке 5 писем Н. П. Кондакова (от 6 июня 1881 г., 25 сентября 1881 г., 7 ноября 1881 г., 5 декабря 1881 г., 12/24 ноября 1892 г.).⁶

⁵ Была издана в Одессе в 1876 г. («История византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей»). См. также: *Записки Им. Новороссийского университета*. Т. XXI. Одесса, 1877. Ч. II. С. 1–276. В 1886 и 1891 гг. перевод на французский язык для серии «Международная библиотека искусств», см.: *Kondakov N. P.* Histoire de l'art byzantin considéré principalement dans les miniatures. Paris, 1886–1891. 1–II.

⁶ Отдельные подробности истории издания Синайского альбома, подготовленного Н. П. Кондаковым по материалам фотографических снимков г-на Рауля, содержатся в статье коллеги С. О. Виноной (ВИД. СПб., 1998. Т. 26. С. 241–245. См. также: *Винни С. О.* И) переписки Н. П. Кондакова с А. Ф. Бычковым и В. В. Стасовым // ВИД. СПб., 2000. Т. 27. С. 211–218. В этой же статье автор полностью приводит текст письма Н. П. Кондакова к В. Ягичу от 6 июня 1881 г. по изданию: *Korrespondenca Vatroslava Jagica*. Zagreb, 1983. Knj. 3: *Pisma iz Rusije 1865–1886 / Prigledio Josip Hamm*. S. 204–205. К сожалению, этот том отсутствует в библиотеках Санкт-Петербурга. В настоящее время нам известны лишь 2 экземпляра этого альбома, хранящиеся в библиотеках Санкт-Петербурга: в Российской национальной библиотеке и в Библиотеке РАН. К сожалению, последний пострадал во время пожара библиотеки в феврале 1988 г. Полный перечень фотографических снимков альбома см. в Приложении к книге: *Кондаков Н.* Путешествие на Синай в 1881 году. Из путешествий и заметок. Древности Синайского монастыря // *Записки императорского Новороссийского университета*. Одесса, 1892. Т. XXXIII. С. 157–160. В материалах архива Н. П. Кондакова, большая часть которых хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, сохранились отдельные прорисы и фотографии, нанесенные на серое паспарту, воспроизводящие фрагменты греческих и славянских кодексов: Христианской Тотонаграфии Козьмы Индикополова, Книги Иова, Евангелия от Марка, Слова Григория Назянзина, Глаголической Псалтири и др. — всего около 2 десятков фотографий. И хотя почти на всех фотографиях указано, что это съемка Ж. Рауля, нельзя считать, что это — отдельные листы Синайского альбома, кроме 15 экземпляров, подготовленных Н. П. Кондаковым для продажи. Прежде всего, размеры паспарту гораздо меньше, чем в альбоме, подготовленном Ж. Раулем, а количество снимков с рукописей очень незначительно по сравнению с опубликованным Перечнем. Возможность ознакомиться с материалами архива Н. П. Кондакова, хранящимися в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, была предоставлена нам благодаря помощи И. В. Тулкиной, описавшей архив ученого и подготовившей его для введения в научный оборот, а также любезно сообщившей нам и цифры документов. Материалы архива Н. П. Кондакова хранятся в фонде № 115. См. также: *Тулкина И. В.* Н. П. Кондаков: обзор личного фонда // *Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге* / Под ред. И. П. Мельникова. СПб., 1995. С. 93–119. Из текста доклада чешской коллеги Л. Л. Копецкой, ныне покойной: «Обзор личного архива Н. П. Кондакова в Литературном архиве Музея чешской литературы в Праге», который был прочитан на «Symposium Kondakovianum» в Праге 15–17 февраля 1995 г., нам стало известно, что среди пражских материалов ученого находится сотни фотографий памятников культуры и искусства. К сожалению, архив ученого не описан, и трудно сказать, сохранились ли в нем материалы Синайского альбома Ж. Рауля? (См. также: *Archeologický ústav N. P. Kondakova*. 1925–1952. Inventář fondu. Zpracovala Lydie Kopecká. Praha, 1999).

Известно также, что несколько оригиналов фотографий путешествия Н. П. Кондакова на Синай были использованы позднее В. Н. Бенешевичем. См. об этом: *Бенешевич В. Н.* Памятники Синай: Археологические и палеографические. Л., 1925. Вып. 1. С. IV. В. Н. Бенешевич внес в свое исследование также и текст научных

Приведем фрагменты первого письма: «Дорогой и уважаемый Ватрослав Викентьевич! Так как в бытность мою в Петербурге Вы почтили меня вниманием и даже поручением — в том случае, если я буду на Синае, снять для Вас хотя один лист с известной Глаголической Псалтири, то считаю нужным Вас теперь же уведомить, что я был на Синае и поручение Ваше исполнил. Мы (я был с фотографом Раулем) сняли двенадцать страниц в натуральную величину этой рукописи, равно несколько страниц другой глаголической Псалтири, там же находящейся и Вам, конечно, также известной. Прекрасные буквы этой последней рукописи я сделал факсимиле. Мы привезли с собою 90 негативов с рукописей, памятников и видов Синайского монастыря. Кроме того, я много сделал калек... Я ограничился поездкою на Синай, потому что мои средства, которые и без того были малы, иссякли. Путешествие было крайне продолжительно и столь тягостно, что, конечно, если бы я знал, каково оно будет, то не поехал бы ни за что. Мы видели столько горя, что нам оставалось только окончательно пронасть в пустыне с бедуинами, чтобы прибавить к этой чаше бедствий еще одну каню. Не имея надлежащих средств, мы странствовали по пустыне без всяких приготовлений и проводников или драгоманов, с одними бедуинами. В Одессе сочли нас погибшими и были неприятно поражены, когда я вернулся.

Теперь я работаю над материалами, хотя решительно не знаю, что я буду с ними делать, так как главный материал состоит в снимках фотографических и красками».⁷

В письме от 25 сентября Н. П. Кондаков пишет: «...Вы предлагаете мне обратиться во 2-е Отделение Академии наук для издания альбома Синайского. Это было бы высокою для меня честью. Но могу ли я обойти Русское археологическое общество, Московское археологическое общество и особенно Общество любителей древней письменности, которому я более всего обязан? Чувствуя эти обязательства, я писал в эти общества и самому кн. Вяземскому.

комментариев Н. П. Кондакова памятников Слая, выделен в исследовании квадратными скобками. В сообщении И. П. Медведева на конференции, посвященной памяти академика Николая Павловича Кондакова (9—11 ноября 1994) — «Об одной нестождественной записке Н. П. Кондакова В. Н. Беспашиному» — были приведены документальные подтверждения совместных занятий ученых псалтиристов в 1912—1914 гг. в Петербурге при подготовке Синайских памятников.

⁷ Нами были также выявлены в Санкт-Петербургском Архиве РАН, в фонде Н. П. Кондакова, 9 писем В. Ягича к Н. П. Кондакову, датированных 1876—1909 гг. Как мы уже указывали выше, благодаря помощи И. В. Тушиной мы смогли ознакомиться с их содержанием. К сожалению, в них нет каких-либо сведений о судьбе Синайского альбома, хотя содержатся и много других важных для изучения византино-славянских связей подробностей. Анализ текста дошедших до нас писем требует специального рассмотрения в отдельной публикации. Одно из этих писем, 1909 г., посвященное размышлениям В. Ягича о Российской Академии наук, нами опубликовано (ТОДРЛ. М., 1997. Т. 50. С. 798—802). См. также И. А. Арбузова, Е. К. Пятницкая. Письма В. Ягича из архива Т. Д. Флоринского и собрания Российской национальной библиотеки // Русь и Южные славяне / Сост. и отв. ред. В. М. Загребин. СПб., 1998. С. 459—465. Кроме того, из устных бесед в 1995—1997 гг. с пани Л. Л. Конечной нам известно, что в личном архиве Н. П. Кондакова в Праге писем В. Ягича к ученому не сохранилось.

Но не получил никакого ответа. С другой стороны, я понимаю, что мне не могут дать какого-либо ответа, прежде чем увидят снимки и есть ли в них что-либо интересного. Послать же альбом всем я не могу. Стасов просил меня прислать экземпляр фотографий в Публичную библиотеку, но я этого не могу сделать прежде решения вопроса об издании. Что бы ни заключалось в этих снимках, уже ради понесенных бедствий я не желал бы оставить их на судьбу севастьяновских коллекций, которые теперь окончательно пропадают. Самое лучшее, конечно, было бы привезти альбом самолично в Петербург для представления Вам и другим, что я, может быть, и сделаю на Рождество, если только позволят средства, ныне крайне у меня оскудевшие...»

Следующее письмо, от 7 ноября 1881 г.: «...Я писал А. Ф. Бычкову и В. В. Стасову о Синайском альбоме по тому поводу, что Стасов просил меня прислать экземпляр его за деньги в Публичную библиотеку. Я отвечал, что этого я не могу сделать с негативами и оттисками, а их сделаю 1500 в какое-либо учреждение, которое могло бы издать или распродать экземплярами фотографий. Я желаю при посредстве этого альбома вернуть затраченные мною на поездки на Восток деньги, чтобы иметь возможность поехать вновь с фотографом. Как видите, мои путешествия вовсе не так странны, как, может быть, о них подумали. Мои финансы теперь сильно расстроились от поездок, дачи, пианино, которое я купил недавно, и приходится думать о их восстановлении. Мне казалось возможным, чтобы Публичная библиотека купила от меня альбом со всем и чтобы Академия наук затем издала из него то, что найдет нужным. В. В. Стасов напоминает мне в письме, что «все другие путешественники также представляли в Публичную библиотеку свои коллекции фотографий», как Севастьянов и пр. Но ведь они все получали от Правительства пособие. Что получил я для поездки? Не только 500 рублей, которых просил, Совет мне не дал, но даже и командировки не дали и рекомендаций никаких. Ничего не было бы странного, если бы я продал даже в Англию свой альбом при таком опретировании провинциальных профессоров en canaille. Но я никому доселе не давал для издания ничего из альбома. Кочубинский осматривал снимки синайской глаголической Псалтири и находит, что она древнее Григоровичева Четвероевангелия, что Ъ и Ь имеют особое письмо, в характере лавинарной надписи глаголицы и пр., чего я не мог удержать в памяти. Другая рукопись позже этой, списанной Гейтлером. Из этой рукописи, кроме снимка, я привез один листок оригинала, подаренный Раулю и мне переданный вместе с другими. Все эти снимки оставляются для Вас и если Вы это захотите издать, то я буду очень рад. Привезти альбом в Петербург я готов, но одно беда, что у меня нет теперь и ста рублей свободных».

В продолжение славянской тематики Синайского альбома по поводу глаголических отрывков Н. П. Кондаков послал письмо В. Ягичу от 12/24 ноября 1892 г. Так он пишет: «А. А. Кочубинский выпросил у меня на несколько дней эти листки, интере-

суясь письмом и языком. Он утверждает, что в письме Псалтири много оригинального, древнего, и что он считает весьма вероятным, что рукопись эта X века. Но в снимках второй, то есть служебника, он нашел (по его словам) поразительное открытие — молитву о Трясвице.

Я тут ничего почти не понимаю, насколько это интересно, но г. Кочубинский утверждает, что здесь мы встречаем едва ли не древнейшую копию богумильской молитвы и т. д.».

Наконец, в следующем письме, от 5 декабря 1881 г., содержатся дополнительные подробности о возможной реализации издания Синайского альбома: «...Мой приезд в Петербург зависит от того, что мне напишет А. Ф. Бычков в ответ на мое предложение купить всю коллекцию с негативами и снимками за три тысячи рублей. Я позволил себе оценить так альбом по следующим основаниям:

1) Мои путешествия и расходы на фотографические аппараты и снимки, которых имеется на 15 экземпляров альбома, обошлись мне без малого в эту сумму.

2) Я полагаю, что Публичная библиотека, приобретя альбом в свои владения, могла бы продавать оный рублём по 100 за экземпляр, состоящий из 100 с лишним фотографий. 30 проданных экземпляров окупили бы расход на приобретение. Что число 30 мною не гадательно только назначено, доказательством служит для меня извещение Рауля, что в Париже, где он находится, отнеслись к альбому с интересом и уже подписались на экземпляры его по 250 фр. за каждый следующие учреждения и лица: Bibl. Nationale; 1) *Lecture des estampe*, 2) *Lecture des Mrss.*; *École des Beux Arts*, *Écoles des chartes*, *Lorbomus*, *École des languaus orientalis*, *Conte Kiant*, *Mr. Miller* и др. ...Сверх назначенной суммы я буду просить для Рауля какой-либо орден, который он, по моему мнению, давно уже заслуживает и своими коллекциями русских типов, о чем и производилось дело в Министерстве Народного Просвещения.

Теперь, что я буду делать, если буду продавать по экземплярам. Хотя эту цену назначили сами парижане, но мне будет столько неловко — иное дело учреждение. Если же придется вырывать свои траты продажей экземпляров, то как уступить часть из альбома, хотя бы славянского? Она содержит в себе четырнадцать страниц из Псалтири и две из Требника. Кроме того, снимок букв и записей и листок оригинала из Требника же. У нас здесь так становится тяжело жить, что, вероятно, скоро придется разъехаться, кто куда попал».

И наконец, 3-я тема — поездки на Афон, планы поездки в Сербию и проблемы взаимоотношений византийского и славянского искусства, истоков древнерусского искусства.

В нескольких письмах (от 19 декабря 1896 г., 22 апреля 1897 г., 10/22 мая 1897 г., 15 июля 1898 г. и 20 марта 1901 г.) очень подробно освещаются эти темы. Так, в первом письме читаем (декабрь 1896 г.): «...Уже давно меня интересовал и интересует все более и более вопрос о переходе византийского искусства на славянский юг Европы и дальнейшем его развитии. Область непоचा-

тая, но какая важная и крупная и для будущего хода исторически существенная!». В этом же письме, принимая предложение президента Чешской Академии господина Йосифа Главки (?) выполнить исследование о «Буковинских утвори», Н. П. Кондаков пишет: «...Быть может, и моя поездка на Афон, где я надеюсь встретить много дополнительных новостей для разных вопросов и ветвях югославянской древности византийского стиля, даст помощь в этом деле». Во втором письме (от 22 апреля 1897 г.): «...Спешу Вас уведомить, что я очень заинтересован Вашим предложением посмотреть древности Сербии и был бы искренно рад получить лестное приглашение от сербского правительства. Чем дальше углубляюсь я в лес древностей IX—XIII столетий, тем более и более убеждаюсь в необходимости связать все славянские древности в общем ходе культуры и искусства, словом, осязательно чувствую правду того, что говорили по поводу орнамента В. В. Стасова Вы, Ф. И. Буслаев и сам В. В. Стасов. На месте сидя, этого не сделаешь, надо начинать осмотры самых памятников».

В третьем письме (от 10/22 мая 1897 г.) Н. П. Кондаков сообщает: «...Спешу Вас уведомить, что, по моим расчетам, мне вряд ли придется ехать в Сербию до Афона. Скорее всего, мне можно будет приехать в Сербию только на обратном пути с Афона и вот почему: мои спутники (а это были Д. В. Айналов, Е. К. Редин, А. С. Хаханов. — *И. А., Е. П.*) почти все не бывали еще на Востоке и растеряются в Константинополе, да и на Афоне не получают ни келий, ни рукописей. И потому я должен буду ехать с ними. Затем я предполагаю, что через 2 недели нам уже можно будет отсюда выехать и, следовательно, мне нельзя будет попасть к Вам теперь в Белград».

Надо Вам знать еще, что, кроме моих собственных спутников на Афон, ко мне хотят пристроиться французы, также составившие экспедицию от института».

В четвертом письме (от 15 июля 1898 г.) — новые важные сообщения: «...На Афоне мне посчастливилось, благодаря принятым мерам, получить доступ к древностям церквей и ризницы и снять фотографические снимки, которые составят альбом около 200 номеров, главным образом с предметов ризницы, как-то: окладов, ковчегов, крестов, риз, икон и пр.

Всего материала с Афона набралось очень много, и обработать его нужно время, но краткий отчет я представляю еще в августе в Академию. Личный мой интерес сосредоточивается в чудотворных (большинство древних икон стали чудотворными на Афоне) иконах и сканнских окладах. Таких окладов со сканью, тождественного (так!) с рисунками и техникой Мономаховой шапки от XII—XIV столетий, я нашел около дюжины. Это будет наиболее веское подтверждение византийского (балканского?) происхождения мономаховой шапки. Полагаю возможным опубликовать эту часть в ближайшем будущем. Н. Я. Марр нашел множество неизвестного материала в Ивере, и для него сняли до 70 фотографий. Для Редина снимали миниатюры рукописей, но эта часть — уже известная и малоинтересная, так как на Афоне

мало хороших лицевых рукописей. Нашел я много молдавских древностей, облачений и пр., и благодаря им гораздо более понимаю материал, предоставленный мне Главкою.

Я настолько заинтересован древностями Балканского полуострова, что ставлю их в вопросе о русских древностях „во главу угла“. Спрашивается, можно ли начать занятия этим отделом? или ожидать?».

И наконец, в письме от 20 марта 1901 г. — снова тема поездки в Сербию и значении славяно-русского искусства XII—XV вв.: «...вряд ли я могу поехать за границу в этом году. Вы сами можете усмотреть причины этого, если сообразовите прочесть в посылаемой Вам брошюре об «Иконописи» стр. 46—53. Мне предстоит ряд поездок летом и осенью по России, устройство школ в селах, организация выставки икон и т. п.

Я уже не говорю о том, что для меня поездка в Сербию стала необходимостью, а я сам получил столь высокое понятие о значении сербского искусства в среде славянского, что отдал бы конец жизни возможности посвятить славяно-русскому искусству XII—XV столетий. Поехать же с Вами и Стояновичем для меня истинная находка».

А впереди еще были изданные «Памятники христианского искусства на Афоне» (1902 г.) и «Македония» (1909 г.).

Итак, подводя некоторые итоги анализа этой переписки, можно отметить следующее.

1. Прежде всего роль и влияние В. Ягича на становление молодого Н. П. Кондакова. Европейский авторитет В. Ягича и его доброжелательное участие в судьбе начинающего ученого позволили ввести Н. П. Кондакова в проблемы изучения истории европейской средневековой науки. Роль В. Ягича как посредника, на наш взгляд, была чрезвычайно велика.

2. Духовная близость в этот период с В. Ягичем была несомненно такой же, как и с учителем Н. П. Кондакова Ф. И. Буслевым, что уже неоднократно отмечалось в исследованиях Г. И. Вздорнова, И. Л. Кызласовой, С. Г. Савиной, Ю. А. Пятницкого.

3. Это та часть эпистолярного наследия ученого, которая позволяет при обращении к другим многочисленным корреспондентам переписки ученого выявить истинную сохранность рукописных материалов, фотоматериалов, калек и других иконографических материалов, дошедших в архивных собраниях России и Европы до наших дней.

Summary

The article deals with the analysis of the letters of N. P. Kondakov to V. Jagich, that were written in the period of the 1874th to the 1909th. These documents are very important for the history of Russian culture and history of the connections between the specialist in the history of the Slavs and Byzantine.

Ю. С. БЕЛОВ

ОСОБОЕ СОВЕЩАНИЕ С. В. РУХЛОВА И ИНСТРУКЦИЯ 2 МАРТА 1914 г. ПО ПОРЯДКУ ПРИМЕНЕНИЯ ПРАВИЛ 24 АВГУСТА 1909 г.

До революции 1905—1907 гг. Российская империя являлась неограниченной монархией. Это подчеркивали и ее Основные законы, гласившие, что «Император Всероссийский есть монарх самодержавный и неограниченный».¹

После издания Манифеста 17 октября 1905 г. и новых Основных законов 23 апреля 1906 г. положение изменилось. В России были созданы представительные законодательные учреждения — Государственная Дума и реформированный Государственный Совет. Положение о неограниченности власти монарха из новых Основных законов было исключено. В Основные законы были введены положения, существенно изменившие способы отправления монархом законодательной власти. Отныне ни принятие нового закона, ни отмена или изменение старого, ни принятие бюджета не могли совершиться без предварительного одобрения Государственной Думы и Государственного Совета.

«Таким образом, юридически Россия должна называться конституционной монархией: в действительности же отношения между факторами верховного управления и законодательной власти — короной, правительством и палатами — нельзя считать вполне и ясно установившимися», — указывал дореволюционный автор в соответствующей статье словаря Брокгауза и Ефрона, вышедшей в 1907 г.²

И действительно, государственный строй, окончательно установившийся в России после событий 3 июня 1907 г., отличался внутренней противоречивостью.

Выражалась эта противоречивость в том, что, несмотря на появление в России представительных законодательных учрежде-

¹ Свод законов Российской Империи. Т. I. Ч. I: Основные государственные законы. Ст. 2 СПб., 1892.

² Российская Империя: Словарь-справочник (переиздание словаря-справочника Брокгауза и Ефрона). СПб., 1992. С. 69.